

Латиноамериканский парадокс — растущее многообразие на почве уникальной общности

© Давыдов В.М., 2025

Владимир Михайлович Давыдов, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, заведующий кафедрой ибероамериканских исследований экономического факультета РУДН.

115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21

ORCID: 0000-0002-3053-5087

E-mail: davydov@ilaran.ru

Аннотация. Латино-Карибская Америка (ЛКА) занимает особое место в современном мире в силу ряда причин. Первая связана с тем, что признаки общности в этом регионе намного сильнее и влиятельнее по сравнению с признаками общности других регионов мира. ЛКА также уникальна тем, что она выступает на мировой карте как своего рода всемирная лаборатория исторических проб и ошибок, синхронное существование всего набора образцов исторического бытия, всех пройденных этапов социально-экономической эволюции. Она вбирает в себя разные цивилизационные и культурные потоки, перерабатывает их и обеспечивает плодотворяющий синтез — процесс такой переработки мексиканский философ и политик Хосе Васконселос называл *mestizaje* (в широком смысле).

Но при удивительном доминировании общих черт мы обнаружим в ЛКА ряд существенных расхождений. Если бегло оценить механику процесса *mestizaje* в значении широком, то мы увидим, что в регионе присутствует несколько основных компонентов исторического синтеза. Исходный набор этих компонентов (времен конкисты) в основном один и тот же для разных стран. Но вот комбинация и пропорция их сочетания разные. Кроме того, в Латинской Америке присутствует особая идентичность. Ее принципиальная особенность заключается в том, что она двойственна: и национальная, и региональная. Представляется, что к Латинской Америке можно применить понятие цивилизационной матрицы — это особая, типическая комбинация факторов цивилизационного вызревания; понятие цивилизационной матрицы близко термину «архетип». С цивилизационной точки зрения в Латинской Америке существует несколько ключевых архетипов, при этом в ходе исторического развития происходило наложение цивилизационных матриц друг на друга.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка, идентичность, цивилизационная матрица, автохтонные народы, исторический синтез

Для цитирования: Давыдов В.М. (2025) Латиноамериканский парадокс — растущее многообразие на почве уникальной общности. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 12–29. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-12-29

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Paradoja latinoamericana: diversidad creciente en el suelo de afinidad excepcional

© Davydov V.M., 2025

Vladimir M. Davydov, Doctor en Economía, Miembro correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, Director Científico del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Jefe del Departamento de Estudios Iberoamericanos, Facultad de Economía, Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos Patrice Lumumba.

115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21

ORCID: 0000-0002-3053-5087

E-mail: davydov@ilaran.ru

Resumen. La región de América Latina y el Caribe ocupa un lugar especial en el mundo contemporáneo por varias razones. La primera es que los indicios de la unidad en esta región son mucho más fuertes e influyentes que los de otras regiones del mundo. También es única en el sentido de que actúa en el panorama mundial como una especie de laboratorio global de ensayo y de errores históricos, donde existen simultáneamente todos los tipos del ser histórico y todas las etapas superadas de la evolución socioeconómica. Es decir, absorbe diferentes flujos civilizatorios y culturales, los procesa y proporciona una síntesis fructífera. José Vasconcelos, filósofo y político mexicano, denominó este procesamiento como *mestizaje* en el sentido amplio de la palabra. No obstante, junto al sorprendente predominio de los puntos en común, en América Latina y el Caribe hay muchas divergencias importantes. Al evaluar la mecánica del *mestizaje* en el sentido amplio, vemos que en la región hay varios componentes principales de síntesis histórica. El conjunto inicial de estos componentes desde la época de la conquista es básicamente el mismo para distintos países, pero su combinación y proporción es diferente. Es más, América Latina tiene una identidad especial, cuyo rasgo fundamental es que es dual: dicha identidad es a la vez nacional y regional. América Latina es una región donde se aplica el concepto de matriz civilizatoria. Se trata de una combinación especial de factores de maduración civilizatoria; este concepto es parecido al término arquetipo. Desde el punto de vista civilizatorio, existen varios arquetipos clave en América Latina, y en el transcurso de su desarrollo histórico se ha producido una superposición de matrices civilizatorias.

Palabras clave: América Latina y el Caribe, identidad, matriz civilizatoria, pueblos autóctonos, síntesis histórica

Para citar: Davydov V.M. (2025) Paradoja latinoamericana: diversidad creciente en el suelo de afinidad excepcional, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 12–29. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-12-29

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Latin American Paradox: Growing Diversity Based on Unique Unity

© Davydov V.M., 2025

Vladimir M. Davydov, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Ibero-American Studies, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

115035 Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21

ORCID: 0000-0002-3053-5087

E-mail: davydov@ilaran.ru

Abstract. Latin America and the Caribbean plays a special role in the modern world for a number of reasons. The common ground in this region is much stronger and more impactful than that in other regions of the world. Latin America and the Caribbean is also unique since it acts as a kind of a global laboratory of historical trial and error, where all types of historical existence and all the stages of socioeconomic evolution are present simultaneously. It absorbs different civilizational and cultural flows, processes them and provides a fruitful synthesis, which José Vasconcelos, Mexican philosopher and politician, dubbed *mestizaje* in the broad sense of the word. However, alongside the surprising dominance of common features, Latin America and the Caribbean has a number of significant divergences. The mechanics of *mestizaje* in the broad sense shows that there are several major components of historical synthesis in the region. The initial set of these components dating back to the Spanish conquest of America is the same for different countries, yet their combination and proportion is different. In addition, Latin America has a special dual identity, which is both national and regional. It is useful to analyze Latin America through the lens of a civilizational matrix, a special combination of factors contributing to civilizational maturation; this concept is close to the term archetype. From a civilizational point of view, there are several key archetypes in Latin America, and in the course of historical development, there has been an overlap of civilizational matrices in the region.

Key words: Latin America and the Caribbean, identity, civilizational matrix, autochthonous peoples, historical synthesis

For citation: Davydov V.M. (2025) Latin American Paradox: Growing Diversity Based on Unique Unity, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 12–29. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-12-29

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Беседу с доктором экономических наук членом-корреспондентом РАН научным руководителем Института Латинской Америки РАН Владимиром Михайловичем Давыдовым ведет главный редактор «Ибероамериканских тетрадей» Елена Васильевна Астахова.

— Владимир Михайлович, тема этого номера журнала — «Человек. Общество. Язык». Вы, как выдающийся латиноамериканист, имеющий множество междисциплинарных исследований и публикаций, — наилучший собеседник для разговора на эту тему. К тому же вы являетесь создателем новых концепций в цивилизационной теории для понимания национально-культурной детерминации Латинской и Карибской Америки. Ведь именно специфическая социокультурная среда, сложившаяся исторически, определяет многие современные экономические и политические процессы в регионе. Это и выбор экономической модели (конечно, не без влияния внешних факторов), и трудовая этика, и отношение к государству и закону, и электоральное поведение, и поляризация общества, и его нравственные ценности, и многое другое. Расскажите, пожалуйста, для наших читателей, в чем заключается «особость» Латинской и Карибской Америки?

— Латино-Карибская Америка (ЛКА) занимает особое место в современном мире в силу ряда причин. Первая связана с тем, что признаки общности в этом регионе намного сильнее и влиятельнее по сравнению с признаками общности других регионов мира. Это легко обнаруживается: ведь речь идет о доминировании одной лингвистической семьи, о единой конфессиональной принадлежности, о похожести исторической судьбы — пути формирования национальной государственности и нации в каждой из стран ЛКА в общем-то смыкаются прерванностью цивилизационной преемственности. Но «особость» Латинской и Карибской Америки этим не исчерпывается. Не исчерпывается она и периферийным характером экономического развития, и периферийным расположением в мировой геополитике. ЛКА уникальна тем, что она выступает на мировой планетарной карте как своего рода всемирная лаборатория исторических проб и ошибок, синхронное существование всего набора образцов исторического бытия, всех пройденных этапов социально-экономической эволюции.

В этой связи уместно вспомнить выдающегося мексиканского мыслителя и политика революционной поры Хосе Васконселоса¹, который выдвинул тезис «космической расы» [Vasconcelos, 1948]. Он верил в то, что за Латинской Америкой огромное будущее. Она вбирает в себя разные цивилизационные

¹ Хосе Васконселос (José Vasconcelos, 1882–1959) — мексиканский историк, философ и политический деятель, первый в истории Мексики министр образования (1921–1924).

и культурные потоки, перерабатывает их и обеспечивает плодотворящий синтез. Процесс такой переработки он называл *mestizaje* (в широком смысле). Этот процесс ведет к тому, что Латинская Америка производит сочленение мировых культур в планетарном масштабе. Наши ученые (Я.Г. Шемякин прежде всего) используют термин «цивилизационное пограничье» для дефиниции этого сочленения [Шемякин, 2023а: 60; Шемякин, 2023b].

Вернемся к образу всемирной лаборатории по проверке жизненной силы укладов, пройденных всемирной историей. То, что история человечества прошла поэтапно, на протяжении многих веков, в ЛКА присутствует одновременно. Это и родо-племенной строй, и община, но община не производящая, которая созидает и даёт большой прибавочный продукт и кормит большую социальную пирамиду, а присваивающая. То есть речь идёт о самых примитивных укладах жизни в сельве, в гуще тропической природы. И наряду со стадией грубого присвоения природного продукта гамма укладов доходит до цифровизированной финансовой системы в последних модификациях, до структуры, обеспечивающей включенность в мировое глобализированное транснациональное хозяйство. Иными словами, по нынешнему состоянию социумов Латинской и Карибской Америки, как по учебнику, можно изучать, если хотите, дорогу человечества.

Хосе Васконселос

Давид Альфаро Сикейрос. Мурал
«Марш человечества» в Полифоруме
им. Сикейроса, Мехико

Идеи Хосе Васконселоса перекликаются с другим символическим образом — маршем человечества в Полифоруме великого муралиста Давида Альфаро Сикейроса (David Alfaro Siqueiros, 1896–1974). Пафос того и другого взаимодополняются по глубинному смыслу.

Но при удивительном доминировании общих черт мы обнаружим в ЛКА ряд существенных расхождений. Если бегло оценить механику процесса *mestizaje* (не в смысле биологическом, а, повторим,

в значении широком), то мы увидим, что в регионе присутствует несколько основных компонентов исторического синтеза. Исходный набор этих компонентов (времен конкисты) в основном один и тот же для разных стран. Но вот комбинация и пропорция их сочетания разные. Это во-первых. Во-вторых, природная среда ставит свою печать.

Возвращаясь к общим детерминантам, скажу: в Латинской Америке присутствует ее особая идентичность. В чем ее принципиальная особенность? Она двойственна: и национальная, и региональная. Отнюдь не во всех регионах мира существует феномен раздвоения идентичности. Каким образом выясняется эта двойственность? Очень простым. Когда вы встречаетесь с латиноамериканцем, логично спросить: откуда вы, кто вы? Ответ, предположим, — перуанец. Но если вы просите уточнить и повторяете свой вопрос, то услышите слово «латиноамериканец». Подобное психологическое восприятие самого себя присутствует в большинстве случаев. Но в то же время — и в этом мы можем убедиться сами, если есть возможность попутешествовать по странам региона, — и по внешнему облику, и по национальному варианту испанского языка местные жители часто демонстрируют контрастные различия.

Итак, можно сказать, что у нас есть примерно один стандартный набор «кирпичей» для возведения монументального здания под названием Латинская и Карибская Америка, но этот один набор «кирпичей» латиноамериканской макрокультуры складывается по-разному, и сами «кирпичи» имеют разный удельный вес.

— В чем сущность понятия «цивилизационная матрица», которое вы ввели в научный оборот? И какие «цивилизационные матрицы» сложились в Латинской Америке?

— В начале 2000-х гг. я обратился к возможностям цивилиографии, чтобы проследить, как она проявляет себя на материалах ЛКА. У меня на этот счет есть одна публикация [Давыдов, 2006]. В этой работе я ввел понятия цивилизационной матрицы и цивилизационного ареала. Что имелось в виду? Разобраться в противоречивой композиции латиноамериканских социумов вполне посильно в рамках цивилизационного подхода. Для пояснения ситуации обратимся к Самуэлю Хантингтону [Хантингтон, 2003]. Пытаясь определить цивилизационную принадлежность ЛКА, он зашел в тупик. Впрочем, в науке случаются подобные тупики. Так бывает, когда не хватает каких-то показателей для объяснения действия какого-то механизма, какого-то биологического организма, какого-то социального массива.

Хантингтон задался вопросом: Латинская Америка — это отдельная самобытная цивилизация или дочернее ответвление христианской Европы? Дилемма отдана на суд читателя. Впрочем, и я не берусь выносить окончательный диагноз. Согласен с Хантингтоном в том, что возраст в пять веков

слишком мал для цивилизационной зрелости. Подождем еще результата мутации на пути трансплантации. Перед нами особый, цивилизационный вид *mestizaje*. Хантингтон имеет право не ставить точку над «i».

Но для того чтобы всё-таки внедрить в наше научное поле нечто однозначное, я и ввёл понятие цивилизационной матрицы. Это особая, типическая комбинация факторов цивилизационного вызревания. Понятие цивилизационной матрицы близко термину «архетип», который в ходу у литературоведов. Скажу, что с цивилизационной точки зрения в Латинской Америке существует несколько ключевых архетипов.

Но что важно! Помимо социально-экономических детерминант, присутствуют многообразные этнические детерминанты. Вот мы привыкли говорить «индейцы Латинской Америки». Нет индейцев Латинской Америки! Есть много разных автохтонных этносов и народов. Есть многомиллионные нации, такие как аймара, кечуа, гуарани.

Кроме того, нельзя забывать и природу. Природная среда играет системообразующую роль. Латинская Америка — огромная часть мировой суши, 15% или 17% в зависимости от учета или неучёта в знаменателе Антарктиды. Вспомним о количестве природных зон, от Рио-Гранде до Огненной земли, учтем разницу в ресурсной обеспеченности, степени климатического благоприятствования. Природа и история — два, скажем так, ключевых обстоятельства.

Цивилизационный архетип складывается в русле истории, истории конкисты. Нет конкисты одномоментной, конкиста реализовывалась поэтапно в пространстве и времени. Ушедший от нас замечательный латиноамериканист Андрей Федорович Кофман очень красочно об этом писал и очень доказательно. Его художественная проза служит инструментом (эффективным инструментом!) для познания непридуманной истории. В латиноамериканском обличье она через талант Кофмана раскрывается в двух версиях, через черную и белую легенды.

Итак, первичная матрица складывалась в зоне высоких цивилизаций — там, где утвердились протоимперские государства ацтеков, инков. Исключение из этого «правила» — зона популяции майя, родивших систему городов-государств. Вот так на почве высоких цивилизаций возникает гибридное образование — государственно-общинный строй.

Народ аймара

Кофман очень ярко описал ход событий. Образно и документально показал, что кучка конкистадоров, пусть вооруженная мушкетами, пусть на лошадях, не могла долго противостоять массе лучников, которая со временем отходила от эффекта шоковой терапии (если говорить современным языком, то конкиста была своего рода шоковой терапией для местных этносов). Но потом они поняли, что пришельцы не так уж всемогущи. Их десятки против миллионов. И это же поняли конкистадоры, резко изменив свое поведение. Они стали интегрироваться с тем самым протоимперским социумом. Верхушку социальной пирамиды они заменили собственными персонами, усевшись на освобожденные троны, а остальное оставили без особых изменений. Всю пирамиду продолжала кормить индейская община [Кофман, 2017].

— Владимир Михайлович, в историографии под влиянием «черной легенды», которая распространялась экономическими, политическими и религиозными соперниками Испании, сложилось мнение, что на новых землях творились только зверства и беззакония. В современном латиноамериканском политическом дискурсе эта идея активно эксплуатируется. Но одновременно появляется всё больше научных публикаций, в которых рассказывается о просветительской деятельности миссионеров, о законах испанской империи, охранявших права коренных народов, об образовательных проектах...

— Было и то и другое. И в литературе, и в преданиях утвердились две легенды: «черная» и «белая». Андрей Кофман на эту тему много писал. Объяснял: всякое было. Были и жуткие преступления против автохтонных народов, но было и просветительство. Вспомним иезуитов, которые «прославились» в «черной» легенде. Но история говорит о том, что они одновременно учили медицине и изготовлению музыкальных инструментов. Спрашивается, почему вдруг у парагвайских индейцев гуарани арфа стала национальным музыкальным инструментом? Католический клир основал несколько университетов в Новом Свете еще в XVI в. Часть из них дожила до нашего времени, получив статус «папских». Мудрость испанской короны проявилась тогда в том, что она объявила запрет на обращение в рабство индейского населения. Индейцы были объявлены подданными короны [Fernández Calzada, 2023: 28].

— В XVII–XVIII вв. конкиста, исчерпав завоевательные функции, приобретает другие формы, что привело к новым моделям хозяйства. Рождается другая матрица?

— Да, в Латинской Америке в XVII–XVIII вв. формируется второй архетип социума и хозяйства — плантационное рабовладельческое хозяйство, питавшееся принудительным переселенчеством. Плантационное рабство

образовывало экономические и социальные ядра, мало связанные с окружающей средой социума. На пространстве колонизированной Америки сформировалось анклавное общество, анклавное хозяйство. Квинтэссенция образа жизни в таком хозяйстве — абсентеизм. На месте распоряжаются приказчики-мулаты. Индейцев нет. Негры живут сами по себе. У них разные языки, они из разных этносов и друг друга не понимают. (Заметим, что поэтому поднимать восстание черных масс было очень сложно. Только когда французская революция уничтожила монархическое государство, тогда негры Гаити восстали и всех малочисленных белых перерезали.) Коммуникации между неграми ослаблены, они боятся внешней среды. Сельва для них враждебна. Поэтому они не бежали в сельву. А индейцев удержать нельзя было, они в сельве как у себя дома. И пропитание было под рукой, и скрыться они могли, и защититься.

Испанцы внедрили новую модель управления — «энкомьенду», доверительное управление, которое осуществляли креолы, но они не имели прямого доступа к основным средствам производства — собственности на землю. Контролировать, помогать взимать десятину и другие поборы они могли. Но распоряжаться правом частной собственности не могли. Выражаясь современным языком, плантации находились на дистанционном управлении — из Мадрида, Севильи и Кадиса (или из Лондона и Бристоля в английских колониях). Поэтому в Латинской Америке вызревание капиталистических структур было деформировано, заторможено. В Англии крупные собственники использовали экспроприацию мелких земельных собственников для первоначального накопления. А в Латинской Америке этого не было. Были барьеры и в аграрной экономике, и во внешней торговле. Торговая деятельность вообще была ограничена колониальной администрацией.

В то же время земли Нового Света мощно втягиваются в мировой рынок, пусть и опосредованно. Основными товарами мирового рынка становятся колониальные товары. Лавки колониальных товаров появляются в Петербурге, в Нижнем Новгороде, Ярославле. Россия вообще-то к этому не имела прямого отношения, но мировая торговля не оставляла «белых пятен».

Висенте Альбан. Благородная дама со своей темнокожей рабыней. 1783

— Вы сказали, что природная среда сыграла огромную роль в формировании множества моделей хозяйства, в появлении разных архетипов. Как происходило зарождение и наложение цивилизационных матриц?

— Первая матрица — государственно-общинная — наложилась на платформу высоких доколумбовых культур. Когда начали исчерпываться возможности конкисты с ее ориентацией на добычу драгметаллов на рудниках и приисках, Мексике, Боливии, Перу потребовались другие стимулы и другой природный ресурс.

Позже рождаются новые цивилизационные матрицы, причем на пока не освоенном пространстве, где не было ни серебра, ни золота. Кругом сельва или прерии (степи), которые в то время не представляли непосредственно хозяйственного интереса. Так, Аргентину и Уругвай сначала заселил не пришлый люд, а пришлый скот. На эти территории мигрировали коровы и быки, которые брели из Боливии, где они появились с приходом второй волны конкисты. Потом уже на тучные земли пришли переселенцы — туда, где богатые травы, где земельный ресурс (черноземный) оказался удивительно плодотворным. Кстати, только две зоны в мире обладали такими почвами: это юг России/Украины и аргентино-уругвайская пампа.

Волна свободного переселенчества в бассейне Ла-Платы прокатилась в конце XIX – начале XX в. Принудительное переселенчество XVII–XVIII вв. сменилось свободным переселенчеством XIX–XX вв. И посредством *mestizaje*, вот того самого *mestizaje*, о котором говорил Хосе Васконселос, появились квазиевропейские государства — Аргентина и Уругвай. Частично к этой категории примыкает Чили. Ареал распространения этого *mestizaje* захватывает и Бразилию, штат Риу-Гранди-ду-Сул. Это очень близко не только территориально и географически, но и по стилю жизни, по типу хозяйствования и даже по социокультурным характеристикам. В какой-то мере эта «квазиевропейскость» предстает в широком смысле слова, захватывает быт и нравы. Партийно-политическая структура во многом воспроизводится по стандартам Южной и Восточной Европы.

Новую перспективу развития, новую матрицу нужно увязывать с рывком мирового технологического прогресса — с появлением парового двигателя, ростом морского судоходства, появлением холодильных установок. Тогда появилась возможность массовых поставок на далекие дистанции не только зерна и шерсти, вывозимых из районов пампы, но и продукции скотобоев.

— В странах Латинской и Карибской Америки признается или оспаривается первичное европейское влияние?

— Мы говорили о разных компонентах, о разных «кирпичах» здания, представленного латино-карибским сообществом. Но есть один «кирпич», который находит свое место независимо от желаний индивидуумов, политических партий, каких-то движений, научных школ и т.п. Он остается в фундаменте латиноамериканской общности. Это иберийский компонент культуры в широком смысле. Сюда включаются и язык, и экспансия культуры католицизма с его минусами и с плюсами.

— Когда-то Марио Сангинетти², выдающийся уругвайский политик, говорил мне, что есть три Латинских Америки — индейская Америка, негритянская Америка и европейская Америка.

— Да, она была такая. Но сейчас она в той или иной мере испытала последствия *mestizaje*. Чистого материала на практике нет, он возможен на почве химии, но не в реалиях общественного процесса. Индейцы, будь то в Эквадоре или в Боливии, стали другими. Они строят свою политическую практику по законам партийной организации. Европейский опыт они усваивают в прямой или косвенной форме. Они давно не строят жизнь по родо-племенному принципу, пусть община и является долгоживущим общественным институтом, что и к нам относится. Но сейчас уже настало время, когда община не способна адаптироваться к современной жизни. Пример — эхидо³ в Мексике. Там долго берегли эхидо, в том числе на законодательном уровне, а потом (лет 30 назад) поняли, что эхидо имеет и свои минусы в современной практике. В данном случае я не имею в виду апелляцию к «свободе личности». В объяснении сложившейся ситуации я ближе стою к критериям экономической целесообразности и технологического прогресса. Но и они, разумеется, вписываются в соответствующий цивилизационный контекст.

Эхидо в муниципалитете Куаутемок, Мексика

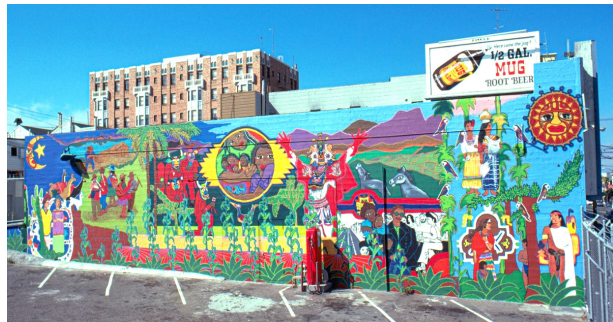
² Хулио Мария Сангинетти (*Julio María Sanguinetti*, р. 1936) — уругвайский политик, юрист и журналист, президент Уругвая (1985–1990; 1995–2000). — *Примеч. ред.*

³ Эхидо (исп. *ejido* от лат. *exitum*) — в Мексике сельскохозяйственная община и принадлежащие этой общине земли. Член эхидо — эхидатарий. — *Примеч. ред.*

— Можно ли говорить сейчас об «индейском ренессансе» или это политический популизм?

— И то и другое. Политического популизма в Латинской Америке хватает. И сейчас на этом играют. Есть пример бывшего президента Боливии Эво Моралеса (Evo Morales, 2006–2019), этнического аймака. Другой пример — президент Мексики Клаудия Шейнбаум (Claudia Sheinbaum, 2024 – наст. вр.), корни предков которой ведут в Литву. Она публично осуждает колонизаторскую конкисту, то, что ее жертвой пали автохтонные народы Мексики. При всем при том важно понимать, что Мексика — величайший образец воспроизводства народной, традиционной культуры, интеграции ее в национальный проект, причем удачный. Индеец интегрирован в пантеон национального проекта той же Морены⁴, если хотите. Предыдущий президент страны Лопес Обрадор по своим корням кантабриец. Его семья эмигрировала из Испании в годы гражданской войны. Так республиканская Испания спроецировалась на мексиканскую почву. Там работало испанское правительство в изгнании. В Мексике испанская эмиграция обрела благодатнейшую среду. Они вошли в науку, они развивали университеты. Мексиканская философия связана с притоком философии испанской в республиканском исполнении. Вот такой *mestizaje* получился плодотворный. Прав Васконселос. Хочешь не хочешь, нравится тебе или не нравится, но история вершит свой *mestizaje*. И в этом *mestizaje* присутствует базовый элемент — иберийский.

Мексиканцы ассимилировали испанскую культуру. С другой стороны, не поддались разрушительной вестернизации (ассимиляции с Севера). В настоящее время мы имеем обратный эффект, сопровождающийся демографическим реваншем. Южные штаты США воспроизводят кухню мексиканскую, мексиканский фольклор. Диаспора рождает в США свою литературу, во многих штатах процветает двуязычие.

Мурал «Латинская Америка»,
созданный коллективом женщин-муралистов
в Сан-Франциско. 1974

⁴ Морена (исп. *Morena*) — правящая политическая партия левого толка в Мексике. Её основатель — бывший президент страны А.М. Лопес Обрадор (Andrés Manuel López Obrador, 2018–2024). — *Примеч. ред.*

— *То есть страны Латинской Америки не поддались глобализации?*

— В наше время глобализация во многом уже свершилась. Мы, правда, можем её релятивизировать. Ее оппонентом в условиях геополитической конфронтации стала регионализация. А если говорить об «индейском ренессансе», то в нынешних условиях он неизбежен. Хотя бы по одной причине — по демографической. Ведь раньше долго шло уменьшение численности индейского населения. Так фактически было в XIX и в начале XX в. А ныне происходит увеличение индейского компонента. Произошла демографическая инверсия. В силу большей доступности медицинских препаратов по противодействию массовым заболеваниям, повышения санитарной культуры, снижения детской смертности, доступа к образованию автохтонные этносы воспроизводят себя в расширенном масштабе. И в связи с этим политика в странах ЛКА, особенно в индейском поясе, приобретает новое измерение. Появились ассоциации, движения, политические партии с индихенистским уклоном (от исп. *indígena*). То есть автохтонным. Мы уже видим такие проявления в целом ряде стран. Это идет через спады и, наоборот, подъемы — локальные ренессансы. Все это объективный процесс. Если сейчас в Европе и в США испытывают воздействие иноцивилизационной миграции, то в ЛКА иммиграция собственная, «родная», иммиграция изнутри. Её не нужно привносить. Она имеет местные корни, она просто меняет темпы и пропорции демографического воспроизводства.

— *Естественно, новые массы идут и в политику.*

— Причем мощно. Политика отражает тот демократический транзит, который случился в Латинской Америке в конце прошлого века. Об этом писали многие наши политологи. «Индейский ренессанс» — один из основных результатов. Коренные народы получили права и их реализуют. Но вот в Чили с новой чилийской конституцией произошел явный сбой. Не настолько уже демократическим оказался профиль сложившегося общества, как предполагалось. Обыватель стал чесать в затылке: и что же мы теперь будем, как мапуче, что ли? Нет, мы не хотим, чтобы мапуче здесь командовали. Такова была расхожая реакция. И таким образом потерпел поражение прогрессистский проект президента Чили Борича (Gabriel Boric, 2022 – наст. вр.).

— *Сейчас мы говорим, что дихотомия левые — правые не годится для объяснения нынешней действительности. Что означает этот тезис?*

— Это означает, что мы проигнорировали мощный промежуточный поток — прогрессистский. Он частично «съел» левых, частично правых. Образовалась новая взрывчатая смесь. Вот она, в частности, сейчас проявилась

в раздоре, который произошел между республиканцами и демократами в США. Это одно из проявлений. С другой стороны, не зря в ЛКА сейчас говорят, что левые, в общем-то, не совсем левые, а правые не совсем правые. Потому что левые остались левыми, а правые остались *правыми*. Только у них внутренняя дисперсия произошла. Налицо огромный диапазон разновидностей: то есть нельзя левых мазать одной красной краской, а правых — одной черно-коричневой краской.

Посмотрим внимательно на две волны левого поворота, которые мы с А. Агаповой описали в статье журнале «Iberoamérica» [Davydov, Agárova, 2024]. Первая волна была более однородная и более понятная. А вот вторая волна, которая ассоциируется с победой Лулы, принесла не только воодушевление, но и разочарование для правоверных левых, для правоверных коммунистов. И мы, Россия, наша история, наши повороты стали для левой традиционной политической культуры Латинской Америки камнем преткновения и яблоком раздора.

И мне жалко моих латиноамериканских товарищей, которые разочарованы, не имеют четких ориентиров в этой современной политической жизни. Но в то же время они находятся в той стадии, когда обретают собственное лицо, начинают реализовывать собственные проекты. Это нашло отражение в мексиканском варианте. Реализовался мощный прорыв партии Морена. Она вышла на авансцену, после семи десятилетий господства Институциональной революционной партии. Восхождение Морены — редкий феномен.

— *Важна ли самоидентификация для латиноамериканского общества? Важно ли «латиноамериканскому человеку» чувствовать себя именно латиноамериканцем?*

— Если мы будем искать один диагноз, мы ошибемся. Но мне кажется, что самоидентификация важна. Потому что все-таки общность продолжает доминировать. И такой общности нет ни в одном регионе мира. Единственное, это арабы могут как-то соперничать с испаноязычной и португалоязычной Америкой с точки зрения наличия каких-то объединительных мотивов. Но там цивилизационная преемственность сохранялась, там она окончательно не была нарушена. В Латинской Америке она была нарушена и появилось *mestizaje* в широком смысле слова. В то же время *mestizaje* по-разному реализуется. Нельзя Латинскую Америку одной краской мазать. Нельзя говорить: латиноамериканская идентичность есть. Она в разных пропорциях присутствует. Сейчас налицо благоприятствующие обстоятельства для общности. Впервые на политической сцене сошлись в своей ориентации Мексика и Бразилия. До сих пор они были на разных

полюсах. Либо правая Мексика, а Бразилия левая. И наоборот. Но сейчас и взаимопонимание, и чувство солидарности появляется. Они чувствуют, что могут играть определяющую роль на авансцене ЛКА.

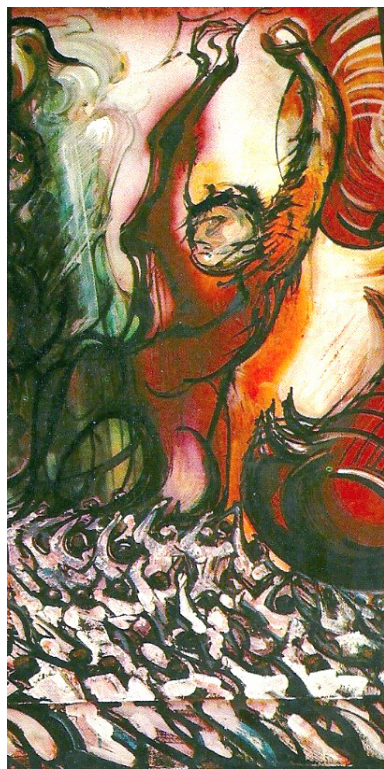
— И в мировых делах тоже?

— Это уже следующий шаг. Они пытаются. В годы правления администрации Байдена они получали «щелчки по носу». Когда они предлагали свои миротворческие проекты и реагировали как-то не так, как хотели в Вашингтоне. Сейчас они хотят реализовать свой большой заряд пацифистской энергии. Это отличительная черта. Самый мирный регион на самом деле в XXI веке.

— Интересно, после всех военных диктатур теперь это самый мирный регион...

— Да. Потому что мы говорим о чем? О межгосударственных конфликтах. Сколько погибших было в межгосударственных конфликтах? 30 тысяч в Латинской Америке за столетие. За это же столетие десятки миллионов погибли в Европе, в Африке, в Азии. Чилийско-аргентинский территориальный конфликт был в конечном счете урегулирован, позднее перуанско-эквадорский. Но на региональном пространстве еще остались, конечно, раздражители для некоторых стран.

В то же время Латинская Америка может гордиться Договором Тлателолко (1967–1968 гг.) — первым в мире договором о безъядерных зонах. Другой пример — договор о режиме Южной Атлантики 1980-х гг.⁵, который стал серьезным препятствием для интересов НАТО в южной проекции. Договор также стал серьезным аргументом для Аргентины в защите прав на Фолклендский (Мальвинский) архипелаг. Напомним и о роли Бразилии в БРИКС. Еще в 2003 г. она вместе с Индией и ЮАР создала IBSA. Трехстороннее объединение среди первых мероприятий избрало периодические

Давид Альфаро Сикейрос.
Фрагмент мурала
«Мариш человечества»

⁵ Решение о создании зоны мира и сотрудничества в Южной Атлантике (англ. *South Atlantic Peace and Cooperation Zone*) было принято по инициативе Бразилии посредством одобрения резолюции ГА ООН в 1986 г. Членами данной инициативы являются 24 государства Южной Атлантики. — *Примеч. ред.*

совместные военно-морские маневры. Тогда члены IBSA начали стучаться в двери Кремля, рассчитывая на присоединение Москвы. Там, правда, не стали тогда спешить, хотя была уже на «столе» примаковская идея треугольника Китай — Индия — Россия. Но все же Бразилия времен первого мандата Лулы заслуживает титул одного из инициаторов рождения БРИКС. Лула да Силва оказался прозорливым в своем стратегическом мышлении.

— *А на сегодняшний день, в условиях прихода к власти в США новой администрации, насколько существенно поменялась внешняя среда для стран Латинской Америки?*

— Обращаясь к современности, включая феномен трампизма и его воздействие на глобальный контекст, в котором реализуется современное развитие ЛКА, уместно вспомнить трактовки Фукуямы [Fukuyama, 2022]. По его убеждению, грубые просчеты вашингтонских властей при доминировании либерал-глобалистских тенденций проистекали от игнорирования растущего разнообразия американского социума, которое «либерал-глобалисты» хотели настроить на свой лад, подстричь под свою гребенку. Глубинная Америка, продолжавшая разделять консервативные ценности, приняла сторону Д. Трампа (Donald Trump, 2017–2021, 2025 – наст. вр.) и его команды. Причем приняла электорально убедительно. Хотелось бы верить, что это поможет восстановить здравый смысл и в США, и на мировой арене. А в ЛКА мы обязаны, учитывая преобладание доминант региональной общности, отдавать себе отчет в способности исходных цивилизационных матриц существенно корректировать коридор развития, очерченный общерегиональными детерминантами в обновленном русле с учетом своих реалий, заданных соответствующей цивилизационной матрицей.

Стремление к унификации столкнулось с очень сильными препятствиями, которые коренятся в социальной психологии, в религиозном сознании и так далее и тому подобное. Надо отдавать себе отчет в том, что в каждом случае речь все же идет о сложившейся нации.

— *Владимир Михайлович, я думаю, что всем читателям интересно ваше мнение, сможет ли Латинская Америка сопротивляться давлению новой администрации США, подчинится ли? Сможет ли ответить на грубые вызовы или ответы будут на уровне простой риторики?*

— Полагаю, что речь идет о серьёзных раздражителях для общественного сознания латиноамериканцев. Очень серьёзных. Я надеюсь, что это издержки начального этапа. Перевод взаимоотношений в дипломатическое русло умиротворит пыл Вашингтона. Страны ЛКА уже слишком далеко зашли по пути перехода от роли объекта международных отношений к роли субъекта. Потуги гегемонии рано или поздно провоцируют действия

контргегемонии. Но истина, конечно, конкретна. Реакция в странах ЛКА не будет однозначной. Если Вашингтон будет усердствовать в навязывании латиноамериканцам своей дисциплины, то может проиграть в долгосрочном плане, имея в виду шансы геоэкономической и геополитической переориентации, шансы мобилизации резервов сотрудничества на региональной и субрегиональной основе.

С другой стороны, нужно быть реалистом. Страны ЛКА объективно заинтересованы в сохранении доступа на рынок США, рынок высокой платежеспособности [Давыдов, Кодзоев, 2025]. Разумеется, будет сказываться политическая ориентация власти в каждом конкретном случае. Отсюда в конечном счете будет определяться равнодействующее позиционирование. И не забывайте: политика — искусство возможного.

Одна из серьезных тенденций в Латинской Америке (будь то левая, будь то правая сторона) — это прагматизм. Они ищут наиболее приемлемый для себя вариант. Они хотят сохранить доступ на самый платёжеспособный рынок мира. А поэтому у них в приоритете договоры о свободной торговле. Одни завязаны на США, другие на ЕС. Ну и правильно поступают. Они, в общем-то, для своей экономики резервируют дополнительные ресурсы. Мы не можем походя осуждать кого-то, скептически говорить о латиноамериканской политике. Мы как партнеры должны учитывать это и в свою очередь становиться прагматиками в наших отношениях со странами из ЛКА, не отступая от здравого смысла, ценностей гуманизма и исторической солидарности.

Список литературы / References

Давыдов В.М. (2006) *Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки*, Москва, ИЛА РАН, 52 с.

Davydov V.M. (2006) *Tsivilioografiya i tsivilizatsionnaya identifikatsiya Latino-Karibskoi Ameriki* [Civiliography and Civilizational Identification of Latin Caribbean America], Moscow, ILA RAN, 52 p. (In Russian)

Давыдов В.М., Кодзоев М.А. (2025) Латинская Америка в условиях меняющегося миропорядка, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 69, № 1, с. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-39-52>

Davydov V.M., Kodzoev M.A. (2025) *Latinskaya Amerika v usloviyakh menyayushchegosya miroponyadka* [Latin America in the Context of a Changing World Order], *World Economy and International Relations*, vol. 69, no. 1, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-39-52> (In Russian)

Кофман А.Ф. (2017) *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров*, Санкт-Петербург, Издательство «Крига», 1032 с.

Kofman A.F. (2017) *Pod pokrovitel'stvom Sant'yago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenit'kh konkistadorov* [Under the Patronage of Santiago. The Spanish Conquest of America and the Fate of the Famous Conquistadors], Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Kriga», 1032 p. (In Russian)

Хантингтон С. (2003) *Столкновение цивилизаций*, Москва, АСТ, 603 с.

Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations], Moscow, AST, 603 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023а) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете, *Иberoамериканские тетради*, № 1, с. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67>

Shemyakin Ya.G. (2023a) «Velikie geograficheskie otkrytiya»: smysl i istoricheskoe sodержание termina v svete opyta vzaimodeistviya tsivilizatsii v Novom Svete [«Great geographical discoveries»: the meaning and historical content of the term in the light of the interaction experience of civilizations in the New World], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67> (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023b) О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения, *Иberoамериканские тетради*, № 4, с. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61>

Shemyakin Ya.G. (2023b) O formakh organizatsii lingvisticheskoi real'nosti tsivilizatsionnogo «pogranich'ya»: Latinskaya Amerika, Iberiiskaya Evropa i Rossiya v kontekste sravneniya [On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared], *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61> (In Russian)

Davydov V.M., Agápova A.E. (2024) Dos oleadas de izquierda. Rasgos generales y específicos [Two Leftist Waves. General and Particular Features], *Iberoamérica*, no. 1, pp. 49–70. DOI: [10.37656/s20768400-2024-1-03](https://doi.org/10.37656/s20768400-2024-1-03) (In Spanish)

Fernández Calzada M. (2023) ¿OCCIDENTE? ¿QUÉ OCCIDENTE? Reflexiones sobre Occidente desde la idea de la Hispanidad [THE WEST? WHICH WEST? Reflections About the West From the Perspective of Hispanidad], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 15–35. DOI: [10.46272/2409-3416-2023-11-4-15-35](https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-15-35) (In Spanish)

Fukuyama F. (2022) *El liberalismo y sus desencantados. Cómo defender y salvaguardar nuestras democracias* [Liberalism and its disenchanted. How to defend and safeguard our democracies], Barcelona, Deusto, 176 p. (In Spanish)

Vasconcelos J. (1948) *La raza cósmica. Misión de la raza Iberoamericana* [The Cosmic Race. Mission of the Iberoamerican race], Mexico-Buenos Aires-Madrid, Espasa-Calpe Mexicana S.A., 210 p. (In Spanish)